

— Просим вас сформулировать ваше творческое кредо.

Мадлен Рено. Продолжение. Поступательное движение.

Жан-Луи Барро. Всю жизнь мы стремимся создать на сцене атмосферу чувств, волнующих максимально большее число людей. Художник обязан длиться. У театра должно быть коллективное сердце. И оно обязано быть полным любви и терпения.

— Со времени вашей первой встречи с советской публикой прошло четырнадцать лет. Эти годы были плодотворны для вас? Что из сделанного вы особенно отличаете сами?

Жан-Луи Барро. За это время сделано 56 спектаклей. Играем классику — чтобы омолодить ее, раскрыть нынешнему зрителю ее вечно живую сущность, да и усовершенствовать свое театральное умение. Попадаете рукопись удачной современной пьесы (что бывает нечасто, как, вероятно, и везде) — естественно, не отказываемся от нее. Наконец, много сил отдаем тому, что я называю личными поисками. В основе таких «личных» спектаклей лежит не каноническая пьеса, а какой-либо литературный первоисточник, непременно значительный. Мы не просто инсценируем его, но как бы воссоздаем сценическими средствами, пластическим диалектом театра. Эти личные поиски начал в 1935 году; тогда, двадцать четырех лет от роду, я поставил Фолкнера. Следующим стал Сервантес, затем Кафка... Из недавних своих работ в этом направлении хочу назвать спектакль по произведениям Рабле (он так и именуется — «Рабле»), «Искушение святого Антония» по Флоберу, «Ночи Парижа» Ретифа де ла Бретона, «Гарольда и Мод» Хиггинса, «Христофора Колумба» Клоделя... Для Мадлен, полагаю, наиболее значительными из новых ее работ стали роли в пьесах «О прекрасные дни!» Беккета и «Английская любовница» Франсуа Биллеу.

— А приходилось вам обращаться к русской драматургии?

Жан-Луи Барро. Да, лет двадцать назад мы поставили «Вишневый сад» Чехова. Мадлен была Раневская, а я — Петя Трофимов. И этот спектакль имел ошеломительный успех!

Мадлен Рено (улыбаясь). «Вишневый сад» — самая парижская из русских пьес.

— Несколько лет назад в нашей прессе, в театральных кругах шли дискуссии о перспективах театра, его будущем. Некоторые, в том числе весьма авторитетные, знатоки театра предрекали его кризис, пустоту в театральных залах, поражение в соревновании с кино и телевидением. И что же мы видим сегодня? Театр как бы обрел новое дыхание. Сейчас ни на одну премьеру лучших трупп практически не достать билет. Наблюдается что-нибудь подобное во Франции?

Жан-Луи Барро. Безусловно. Хотя, вероятно, не в такой степени, как у вас. Но публика вернулась в театральные залы. И это при том, учтите, что театральная конъюнктура во Франции очень отличается от положения дел в вашей стране. У нас мало государственных театров, то есть тех, чье будущее не вызывает сомнений. Большинство театров — в частных руках и существует на свой страх и риск. Правда, некоторые из них за свою признанную об-

Сегодня гости 13-й страницы — гости нашей страны.

Талантливые люди, чья жизнь в искусстве отмечена непрерывными исканиями, одухотворенным и глубоким осознанием миссии художника в современном мире.

Парижская труппа «Компани Мадлен Рено — Жан-Луи Барро» представлена здесь своими основателями.

Они — корифеи французской сцены, ее живые классики в том благородном смысле слова, который подразумевает и верность лучшим традициям национальной культуры, и неутолимую жажду обновления.

Еще в 1960 году советский критик Г. Бояджиев писал о Барро: «Это режиссер-чародей, он способен проникнуть в тайну искусства любого времени, любого жанра...»

ществом культурную ценность добавляются права на получение субсидий от государства — кстати, наш театр тоже, — но суммы эти невелики. И тем не менее интерес публики к театру растет. У нас, к примеру, как в лучших московских и ленинградских театрах, всегда аншлаг. Оттого, думаю, что мы стараемся находить и сценические приемы, и сюжеты, и идеи непреходящего человеческого содержания. Они многим близки, многих задевают лично... После сорока пяти лет театральной работы не могу не сказать, что груз этих забот, забот лицедейства, комедиантства, создания спектаклей, — тяжелая ноша. История многократно подтверждает это. Скажем, Тициан написал свою Венеру, будучи глубоким старцем, а Шекспир к 50 годам был измотан, иссушен титаническим трудом...

— В итальянской газете «Паззе сера» мы прочитали ваши, мсье Барро, ответы репорте-

МАДЛЕН РЕНО ЖАН-ЛУИ БАРРО

рам. На вопрос: «В какую эпоху вы хотели бы жить?» — был ответ: «В эпоху Ренессанса, даже рискуя быть сожженным как еретик...»

Жан-Луи Барро (смеясь). Этот ответ надо понимать в переносном смысле. Человеческая жизнь — постоянное обновление цикла. Утро — весна, возрождение; полдень и день — лето, расцвет сил; время захода солнца схоже с осенью; ночью (или зимой) умираешь, но вот снова приходит утро — возрождение, Ренессанс! Я хотел бы жить всегда утром: в этот момент пересматриваешь свои замыслы, чувствуешь прилив энергии и дерзости, рождаются новые планы, идеи; а значит — утром и больше рискуешь...

— А на вопрос: «Любите ли вы животных?» — вы ответили: «Очень. Я — собака».

Жан-Луи Барро. Совершенно верно! Триста лет Барро были бургундскими виноделами, в моих жилах струится доброе бур-

гундское вино, я крестьянин. Рос на деревенской ферме, воспитывался среди собак. Мне постоянно нужна нежность — собаке тоже. У меня очень острое чувство дружбы — собака тоже верный друг.

— Вас спросили: «Любите ли вы детей?» Вы сказали: «Не больше двух сразу...»

Жан-Луи Барро. Иначе я и не мог ответить. Некогда, чтобы заработать на учебу, мне пришлось сделаться надзирателем в коллеже. Я на собственной шкуре испытал, как жестоки могут быть дети, если их много и все они кому-либо сопротивляются.

— Мы знаем, что вы, прежде чем стать актером парижского театра «Ателье», учились в Луврской художественной школе. А вы, мадам Рено, вы тоже с юных лет готовились к артистической карьере?

Мадлен Рено (с шутовским высокомерием). Нет. Мой отец был инженером. У нас вообще была техническая, инженерная семья — никаких актеров. Мама водила меня в театр раз в год — накануне рождества.

— Разрешите полюбопытствовать: кому принадлежит решающее слово в вашем дуэте?

Мадлен Рено (кивая на Ж.-Л. Барро). Ему.

Жан-Луи Барро (кивая на М. Рено). Мадам.

— Извините нас, но первое впечатление подсказывает, что в вашей паре мадам Рено — личность более твердая, быть может, даже более строгая...

Мадлен Рено (скрывая улыбку). Не уверена. Конечно, у Барро больше слабостей...

Жан-Луи Барро. У Мадлен характер сильнее. Мы встретились в 1936 году и спустя десять лет решили создать театр. Кстати, раз уж вы вспомнили об ответах в «Паззе сера», то там был еще один. «Кто ваш идеал женщины?» — спросили меня. Я ответил: «Мадлен Рено» — и сегодня готов под этим подписаться.

Мадлен Рено. Мы прожили долгую жизнь ради нашей дружбы, ншей любви и нашей работы. Мы не ведем светскую жизнь, мало бываем где-либо вне своего театра. Наше счастье — в том деле, которое мы избрали.

— В нашей стране с успехом прошел и запомнился многим надолго фильм Марселя Карне «Дети райка», где Жан-Луи Барро играл главную роль. Вы вспоминаете об этой работе?

Жан-Луи Барро. Мим Батист — один из самых близких мне персонажей, самых дорогих мне образов. Я из той же духовной семьи, что и он. В этом фильме синтезировались, слились воедино театр, кинематограф и пантомима — все то главное, что я люблю в жизни. К тому же сценарий написал Жак Превер.

— Есть у вас неосуществленные творческие желания? К чему вы теперь стремитесь?

Жан-Луи Барро (задумчиво). К чистоте. К совершенству.

А творческие желания... Чем больше я старею, тем больше они совпадают с желаниями моей юности. Круг смыкается.

Мадлен Рено (дополняя). Мы работаем сейчас с такой беззаботностью, с такой легкостью, будто впереди целая вечность. Такое бывает либо в юности, либо в наши лета.

— Скажите, кто из деятелей искусства — театра ли, кино, музыки — является для вас образцом творческой личности, большим художественным авторитетом?

Жан-Луи Барро. Не хотелось бы называть имена. (Оживляясь). Лучше сказать так: во мне всегда была сильная потребность любить и восхищаться. Когда я был молод, то восхищался Станиславским, Гордоном Крэгом, Мейерхольдом, Таировым. На склоне лет восхищаюсь молодыми. И честное слово, я никогда и никому не завидовал. И не завидую. Я бываю возмущен, когда какой-нибудь спектакль — в том числе и мой собственный — имеет больший успех, чем заслуживает. Бываю в ярости, когда убеждаюсь, что кто-то другой нашел именно то, что безуспешно искал я. Но всегда бываю счастлив и горд за того, другого, за его счастливую находку, за его горение — будь то Антуан Витез, Товстоногов, Любимов или Питер Брук.

— Скажите, милые гости, какой вопрос задали бы вы Мадлен Рено и Жану-Луи Барро, если бы были журналистами?

Мадлен Рено (озабоченно). Трудно сказать. Вы, кажется, обо всем спросили... Хотя... Я сначала подумала о парижских журналистах, но вы — московские, вам, возможно, интересно узнать о театре, в котором мы работаем, о нашем «Гар Д'Орсэ»? Мы выдержали немало перипетий, сменили немало сценических площадок. И наконец — это потребовало мужества, особенно от Жана-Луи, — мы построили собственное помещение. Оно заняло часть старого вокзала Орсе. Большой красивый зал, крыша и потолок деревянные, большое фойе, на стенах которого развешены основные декорации наших спектаклей. На втором этаже малый зал на 160 мест — для особых, сложных спектаклей. Этот театр в ансамбле многих привлекает. В нем можно и перекусить на скорую руку перед спектаклем, а после спектакля посидеть за бокалом вина, обсуждая только что увиденное. «Гар Д'Орсэ» встал на берегу Сены. Часто во время представления зрители слышат шум колес проходящего поезда: рядом по-прежнему лежит железнодорожный путь. Мы хозьева стен, а участок принадлежит министерству железных дорог. Может быть, вам стоило об этом узнать?

Поблагодарив гостей за беседу, мы шути поздравили мадам Рено с победой футбольной команды «Сент-Этьенн» в недавнем матче на Кубок европейских чемпионов. «О да, всплеснула руками Мадлен Рено, — футбольная победа! Это стало для Франции такой редкостью!..» Прощаясь, мы пожелали Мадлен Рено и Жану-Луи Барро добра и счастья, которое для них — в их работе.

Гостей расспрашивали
Ан. МАКАРОВ,
Э. ЦЕРКОВЕР.
Фотографировал
В. Ахломов.

